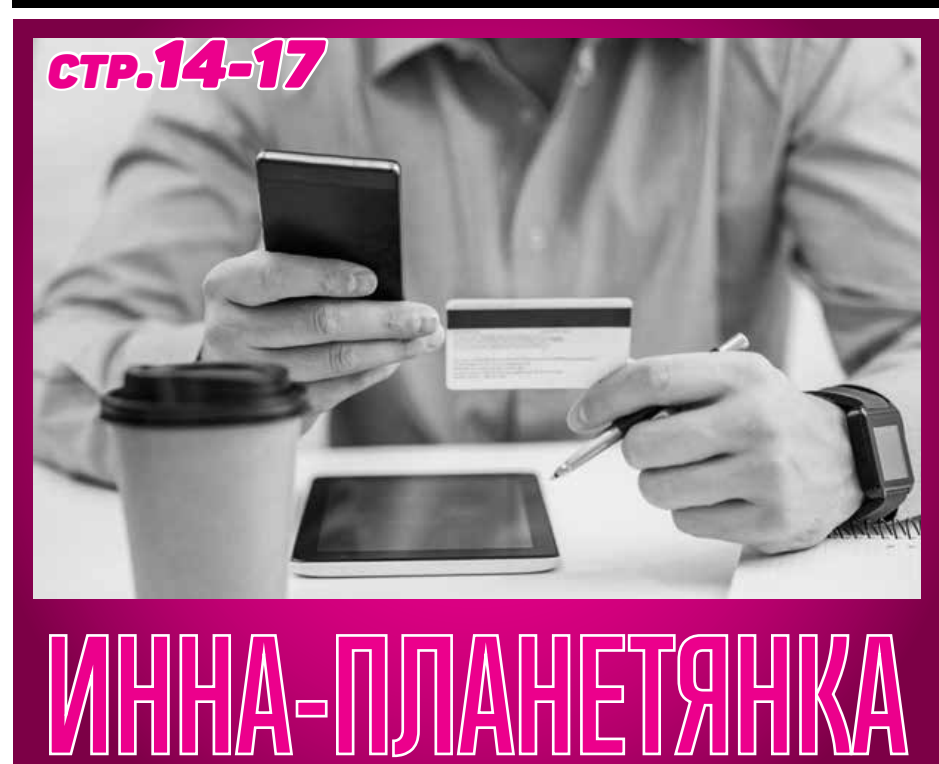

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№23 (313)
ИЮНЬ 2026

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

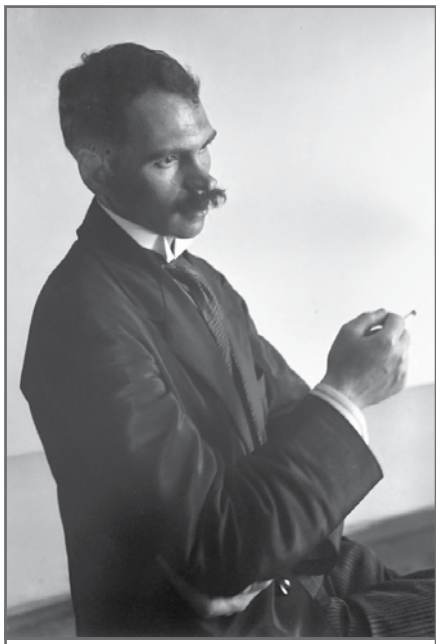
ФОТОГРАФИЯ НЕ ВРЁТ

Александр Якимчук

Василь Василько

Викентий Кугель

Фотографы Одессы. Фото В.Кугеля

Фотографы Одессы. Фото В.Кугеля

Иван Липтуга, президент Всемирного клуба одесситов

С Александром Якимчуком, одесским фотохудожником и хранителем редких архивов, мы познакомились осенью прошлого, двадцать пятого года. Готовились ехать в Регенсбург, наш город-побратим, на празднование тридцати пяти лет побратимских отношений между Одессой и этим красивым баварским городом. В итоге не сложилось. Ни у Александра, ни у меня поехать тогда не получилось. Но фотографии Александра в Регенсбург всё-таки «доехали». Их отпечатали на месте, и они висели в зале городской библиотеки. Баварцы смотрели на одесские плиты Ланжерона, на свет в одесских подворотнях, на лица одесситов. С тех пор мы полгода не виделись.

Познакомила нас, к слову, Катя Соколова (Пименова). С ней мы делали первый выпуск «Одесского универсума», про частные коллекции. А с Александром, как оказалось, можно долго говорить именно о фотографических коллекциях, об архивах, о фотопластинах. Недавно он пришёл во Всемирный клуб одесситов на Маразлиевскую и мы проговорили почти два часа.

Этот разговор я хочу зафиксировать, потому что речь у нас шла о вещах, которые касаются не нас двоих, а Одессы. И я не уверен, что многие в городе сегодня отдадут себе отчёт в том, какой огромный пласт одесской истории, настоящей, живой, не отретушированной, лежит в частных квартирах, на чердаках, в коробках из-под обуви в фотопленках.

СТЕКЛЯННЫЕ ПЛАСТИНЫ

Александр начал издавать, со стеклянных пластин Василя Василька. Того самого Василька, в честь которого назван

наш Украинский театр. Оказывается, он увлекался фотографией. Снимал труппу одесского театра «Революция», будущего Украинского, снимал актёров, репетиции, лица. У Александра хранится около ста таких пластин, двадцатые и тридцатые годы. Они пришли к нему от многолетнего фотографа Литературного музея Георгия Исаева, который, в свою очередь, получил их когда-то от каких-то строителей. Те нашли коробку в одном из одесских домов во время ремонта и принесли Жоре... он же фотограф, разберётся.

А потом, в 2017 году в переулке Маяковского (ныне Футуристов), в одной из квартир, обнаружили пятьдесят килограммов стеклянных пластин. Буквально пятьдесят килограммов. Коробки разного размера, маленькие и большие, аккуратно сложенные. Хозяин квартиры не называл имени автора и хотел распустить коллекцию по частям, продать понемногу разным людям. За всё разом он хотел ни много, не мало, — новую квартиру. «Но на самом деле, это дороже стоит, говорит мне Александр. Это стоит миллионы».

Денег на квартиру у Александра, разумеется, не было. И начались полгода поисков, уговоров, разговоров, пока физическое тело архива не выкупил один из одесских коллекционеров. Александр вместе с Анной Голубовской взяли на себя техническую, научную часть. Это серьёзный исследовательский труд, и без участия Анны Голубовской большая часть атрибуций, датировок и биографических ниточек просто не сложилась бы. Через полгода после покупки хозяин квартиры всё же назвал имя. Фотограф оказался Викентием Кугелем.

КУГЕЛЬ

Получив имя, Александр и Анна задумались, а что, если есть родственники?

Начали искать. Нашли внука фотографа, Наталью Аркадьевну Кугель, которая живёт в Пензе и сама в своё время создала первый частный музей в Советском Союзе, музей Мейерхольда.

Александр показал Наталье две с половиной тысячи кадров её деда. Они разговаривали неделю. По её рассказам вместе восстанавливали биографию деда. Латвия, откуда он молодым приехал в Одессу в 1910-х. Архитектор по профессии он сопровождал стройки в Одессе и при этом всю жизнь снимал. Уже в 1913 году стал членом Одесского фотографического общества, того самого, первого в империи. Снимал непрерывно сорок лет, с тринадцатого года и до послевоенных пятидесятых. Сорок лет Одессы, увиденной одним человеком.

Среди мировых фотографов такого масштаба, говорит Александр, сравнить можно разве что с Вивьен Майер, американкой, которая всю жизнь снимала «в стол» и пластины которой были найдены и выкуплены только после её смерти. Викентий Кугель — наш одесский Вивьен Майер. Только мужского рода и наш.

На его пластине Дерибасовская тринадцатого года, Куяльник, ещё мощные лавовой плиткой и булыжником улицы Одессы, Кирха, в которой ещё идут службы. Разборка Свято-Преображенского собора, которое он снял украдкой. Гостиница «Московская». Бабель, или человек, неотличимо похожий на Бабеля, спускающийся по Ланжероновскому спуску. Мальчик-сын, который растёт на снимках от младенчества до подростка. Жена Кугеля Варвара Диомидовна Гильденбаум. Тёща. Друзья-фотографы с лицами уставших интеллигентов. Приморский бульвар до революции с женщинами в платьях, шляпках с зонтиками от солнца, и затем двадцатые-тридцатые, женщины в косынках, с лопатами и пилами.

«Палац Піонерів та Жовтенят», читает Александр надпись на снимке Воронцов-

Альбом фотографий Викентия Кугеля

Георгий (Жора) Исаев

Купание коней. Фото В.Кугеля

Улица Преображенская угол переулок Маяковского. Фото В.Кугеля

ского дворца. Тридцатые годы, но на украинском языке. Как это показательно. Фотография не врёт.

Большой проект по архиву Кугеля завершился в декабре 2021 года. В Одесском музее западного и восточного искусства открылась выставка под названием «Та, Одесса». Семьдесят четыре снимка из архива, охватывающего период с 1913 по 1953 год. Параллельно был издан альбом примерно на пятьсот фотографий, записано интервью с Натальей Аркадьевной Кугель, восстановлена могила Викентия Кугеля на Втором Христианском кладбище. Архив, который ещё несколько лет до этого спокойно мог рассеяться по случайным рукам, превратился в полноценную исследовательскую работу. И главное, он впервые стал виден городу.

ЗУБРИЦКИЙ И ШУЛЕКА

Далее Александр достаёт из большой сумки две коробки. Одна — фотоплёнки Вадима Шулека, основателя одесского фотоклуба «Одесса», ушедшего в прошлом году в девяносто три. Около полутора тысяч плёнок, переданных Александру вдовой. Вторая — архив Дмитрия Зубрицкого, ушедшего в 2003-м. Зубрицкого Александр знает через его друга, который сегодня хранит архив и готов передать его, с авторскими правами, со всеми формальностями, в правильные руки за сумму, в общем-то, посильную для одного мецената или грамотно собранного гранта.

Это, на минутку, две-три тысячи фотоплёнок по тридцать шесть кадров каждая. По приблизительным расчётам Александра, около ста пятидесяти тысяч кадров Одессы с 1960-х до начала 2000-х. Зубрицкий был первым фотографом в Советском Союзе, удостоенным мемориальной доски после смерти. Она до сих пор висит на Итальянской (Пушкинской), 19. Снимал он много, жадно, и в основном то, что в советские годы не очень-то и публиковали. Ню, лица, одесскую улицу, Жванецкого, своих друзей — актеров кино. Сегодня в его бывшей мастерской работает Степан Алякин.

В подарок клубу Александр принёс одну фотографию Зубрицкого. Оригинальный отпечаток, подаренный сначала своему другу Шурику (Александру Демьяненко из «Приключения Шурика»), но затем переданный некой Татьяне Павловой. На снимке телёнок, которого он называл «золотым».

ПОЧЕМУ ЭТО ВСЁ ВАЖНО

Можно было бы сказать. Ну, частные архивы, ну, плёнки, мало ли. Но дело в том, что у Одессы нет своего фотографического архива. Нет музея фотографии. Нет даже отдела фотографии при

музее или при библиотеке. Нет факультета. Нет ничего значимого.

Александр обращает внимание на простую вещь. В Вашингтоне есть Библиотека Конгресса, у которой свой отдел фотографии, там хранятся, например, архив Прокудина-Горского, одного из первых цветных фотографов. В Париже раз в год проходит Paris Photo, где собираются все мировые галереи и частные коллекции. Во всём цивилизованном мире фотография как явление имеет свои институты, музеи, отделы, факультеты, рынок. У нас в Украине, и в Одессе в частности, всё это держится исключительно на энтузиазме частных коллекционеров. И на каком-то невероятном чуде, что эти плёнки и пластины до сих пор не выброшены, не выкинуты при ремонте, не утрачены.

Соцреализм, по словам Александра, убил саму идею авторской фотографии. Авторская фотография чувств, фотография как искусство, фотография как способ удержать состояние времени, всё это в советские десятилетия считалось чем-то подозрительным, в лучшем случае любительским, в худшем дегенеративным. Уцелело то, что снимали для души, в стол, и не показывали. И вот это уцелевшее сегодня перед нами. Кугель, Василько, Зубрицкий, Рыбак, Шулека, Сидорский, Исаев. И ещё десятки имён, до которых пока не дотянулись руки.

Я смотрю на снимки Кугеля, на ту Дерибасовскую, на тот Ланжерон и Куяльник, на тех людей, и думаю. Всё, что мы знаем об Одессе, мы знаем по большей части из текстов Бабеля, Катаева, Ильфа и Петрова, Жаботинского, Львова, Жванецкого, в конце концов. Литература сделала Одессу литературной. А фотография делает Одессу видимой. И эта видимость другого порядка. Это уже не интерпретация, не художественный приём, не миф. Это лица. Это улыбки. Это мультикультурность, которая видна без всяких пояснений, потому что вот они, греки рядом с евреями, армяне рядом с украинцами, и у всех у них общее настроение, общая походка. Этого никаким манифестом не подделаешь.

«Фотография не врёт», таков был девиз Одесского фотографического общества, основанного, между прочим, в нашем городе в 1891 году, первого в империи. Не в столицах, а именно в Одессе. Это тот же ряд, к которому принадлежат первая в империи передвижная художественная выставка, первый учебник фотографии, написанный в Одессе в 1859 году, школа изящных искусств, созданная в 1865 году усилиями одесских фотографов. Одесса, как известно, не первый город, но и не второй. Но в фотографии мы на самом деле были первые.

Александр сказал мне честно. «У меня сейчас сил нет. Я хочу направить силы на тишину, на путешествия, может, на огород, смотреть как помидорки растут». Ему пятьдесят два. Он своё уже сделал. Обнаружил Кугеля, нашёл Наталью Аркадьевну, сохранил архивы Зубрицкого и Шулека, отсканировал тысячи кадров.

Дворец пионеров. Фото В.Кугеля

Монумент перед Дворцом пионеров. Фото В.Кугеля

Теперь он хочет, чтобы дальше эту работу кто-то подхватил.

И это, если честно, далеко не первый такой разговор в моей жизни. Одесские фотографы, и взрослые, и среднего поколения, периодически приходят с одной и той же мыслью. У них дома, в гаражах, в мастерских хранятся ценные архивы. Тысячи плёнок, пластинок, отпечатков. А передавать всё это, по большому счёту, некому. У Одессы по-прежнему нет ни своего музея фотографии, ни отдельного фотоархива при существующих институтах, ни системного места, где такие

коллекции могли бы оседать и работать.

Я не готов сегодня сказать, что у меня есть готовый ответ как такой музей создать или в какой передать. Не вижу пока и заинтересованных меценатов или бизнесменов, кто был бы готов взять на себя эту работу всерьёз и надолго. А братья за неё впопыхах, на энтузиазме одного-двух человек, означает повторить ту самую ошибку, из-за которой у нас и сегодня архивы рискуют пропасть при очередном переезде или ремонте. Серьёзная институция требует серьёзного основания.

Но беседа эта стоит того, чтобы её озвучить. Потому что, пока мы об этом не говорим вслух, ни ответа, ни решения само собой не появится. Кто-то, может быть, прочтёт этот разговор и узнает в нём свою историю. Кто-то задумается. Кто-то вспомнит о бабушкиных коробках на антресолях.

На ближайшее время у нас с Александром договорённость попроще. Мы проведём в Всемирном клубе одесситов его персональную выставку с авторской лекцией. Триста отпечатков, и каждый со своей историей. Будет повод собрать тех, кому это интересно, и тех, у кого дома, возможно, лежат похожие коробки. Будет повод поговорить публично о том, что у Одессы в этом смысле есть, и чего у Одессы нет.

Потому что, как сказал Александр в нашем разговоре, настоящая правда об Одессе, не приглашенная и не отретушированная, сегодня сосредоточена именно в этих коробках. И тот, кто рано или поздно сумеет эту правду собрать в одно место, и будет тем самым центром внимания, о котором Александр говорил весь наш разговор.

Будем надеяться, что таких людей в Одессе найдётся.

«Золотой теленок». Фото Д.Зубрицкого